

**Religion and Pluralism in Central Asia:
A Compendium of Research Papers Translated into Russian**

**НА ПУТИ К ГЛОБАЛЬНОМУ ЗАВЕТУ О ДОБРОСОСЕДСТВЕ: ВНЕДРЕНИЕ ФИЛОСОФИИ
ЗАВЕТНОГО ПЛЮРАЛИЗМА**

Кристофер Стюарт, Крис Сайпл, и Деннис Р. Хувер

Исследование межкультурной религиозной грамотности

Крис Сайпл и Деннис Р. Гувер

Религиозный плюрализм и государственный патернализм в Казахстане

Роман Подопрigора и Наргис Касенова

**МОЖЕТ ЛИ НА ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ ЗЕМЛЕ ВЫРАСТИ ЗАВЕТНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ?
НАДЕЖДЫ И СЛОЖНЫЕ УРОКИ ИЗ РЕЛИГИОЗНОЙ ИСТОРИИ РЕГИОНА**

Марта Брилл Олкотт и Мэтью Рапп

[additional papers forthcoming]

About the Compendium: This compendium consists of Russian translations of selected English language research papers commissioned by the Institute for Global Engagement (IGE). They are part of a series exploring prospects for covenantal pluralism around the world. The papers were translated by permission of IGE for noncommercial use as an educational supplement in IGE's international educational programs. Further details and citation information for the final English versions can be found on the first page of each paper.

Translation and citation info: This is a Russian translation of an English language research paper commissioned by the Institute for Global Engagement (IGE). The paper was translated by permission of IGE for noncommercial use as an educational supplement in IGE's international educational programs. The English language version of record has been published as: W. Christopher Stewart, Chris Seiple, and Dennis R. Hoover, "Toward a Global Covenant of Peaceable Neighborhood: Introducing the Philosophy of Covenantal Pluralism," *The Review of Faith & International Affairs*, Vol. 18, No. 4 (Winter 2020): 1-17, <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/15570274.2020.1835029>. (Copyright © IGE 2020.)

НА ПУТИ К ГЛОБАЛЬНОМУ ЗАВЕТУ О ДОБРОСОСЕДСТВЕ: ФИЛОСОФИЯ ЗАВЕТНОГО ПЛЮРАЛИЗМА

Кристофер Стюарт, Крис Сайпл и Деннис Р. Хувер

Аннотация: Глобальная задача мирного и конструктивного сосуществования в контексте глубоких религиозных/мировоззренческих различий не решается плакатными призывами к «толерантности». Настоящая статья – краткое изложение основ значительно более масштабного подхода «заветного плюрализма», который в течение последних лет разрабатывался при поддержке благотворительного фонда Templeton Religion Trust. Философия заветного плюрализма – это устойчивая, основанная на взаимоотношениях и нерелятивистская парадигма гражданства, которая придает особое значение как равенству в юридическом смысле, так и добрососедской солидарности. Ее условиями является не только конституционный порядок, характеризующийся равными правами и обязанностями, но и культура взаимодействия, характеризующаяся отношениями взаимного уважения и защиты.

Ключевые слова: плюрализм, релятивизм, завет, вовлечение, религиозная свобода, религиозная грамотность, толерантность.

Заклучив завет о мирном соседстве с окружающими нас
сахемами и туземцами и назвав это место Провиденс в знак
милосердного Божьего Провидения ко мне в моем
несчастье, я пожелал, чтобы оно служило убежищем для
людей, страдающих от того, что они не могут поступать по
велению своей совести.

Роджер Уильямс, 1636 г.¹

Наш мир все чаще сталкивается с проблемами насильственного экстремизма, религиозного и этнического национализма, культурной поляризации, превращения меньшинств в «козлов отпущения» и других тенденций к разъединению. По данным исследовательского центра Pew Research Center (2018), 83% населения мира в настоящее

---

¹ Цит по. Barry 2012, 220.

время живет в условиях, характеризующихся высоким уровнем государственных ограничений на религию и/или социальной враждебности, связанной с религией. Pew также сообщает, что 11% правительств по всему миру используют «националистическую риторику, обращенную против членов определенной религиозной группы». Учитывая эти цифры, неудивительно, что в настоящее время в мире насчитывается самое большое число беженцев со времен Второй мировой войны. Правый культурный популизм, левый секуляристский экстремизм, враждебность по отношению к мигрантам, а также стремление к религиозному и идеологическому обособлению растут во многих странах мира. Freedom House предупреждает, что либеральная демократия в целом теряет позиции. Согласно их ежегодному отчету, 2019 год стал четырнадцатым годом глобального снижения уровня свободы (Repucci, 2020).

В основе этих проблем лежит тот факт, что разнообразие само по себе постоянно и неизбежно. «Терпимость» к этому разнообразию необходима и благородна, насколько это возможно. Но становится все более очевидным, что одной терпимости недостаточно для решения тех сложных проблем, с которыми мы сталкиваемся. Проблемы таких масштабов и такой природы невозможно будет преодолеть простым, пусть и искренним призывом ко всем «сосуществовать» и «прославлять разнообразие». Нам понадобится нечто большее, чем упрощенный плюрализм. Иными словами, в мире глубоких различий нам необходима нормативная философия плюрализма, которая не будет ограничиваться тем, чтобы просто прикрывать реальные проблемы разнообразия плакатами, призывающими к терпимости².

В этой статье мы предлагаем краткий очерк значительно более обстоятельной концепции «заветного плюрализма», разрабатываемой в течение последних нескольких лет в благотворительном фонде Templeton Religion Trust (Стюарт, 2018; Сайпл, 2018a; Сайпл, 2018b)³. Философия заветного плюрализма выходит за рамки банальных призывов к мирному сосуществованию; вместо этого она предлагает прочную, реляционную, но не релятивистскую парадигму мирной и продуктивной совместной жизни, учитывающей наши глубочайшие различия. Заветный плюрализм предусматривает холистическую концепцию гражданства, которая придает особое значение как равенству в юридическом смысле, так и добрососедской солидарности. Он требует как конституционного порядка, характеризующегося равными правами и

---

² 2. В наклейках на бампер «COEXIST» и «TOLERANCE», которые становятся все более популярными, каждая буква стилизована под символ какой-либо религии или концепции. На наклейке «COEXIST», как правило, «С» – исламский полумесяц, «О» – знак мира, «Е» – знак, объединяющий символы двух полов, «Х» – звезда Давида, точка над «I» – языческая пентаграмма, «S» – символ инь-ян, а «Т» – христианский крест. «TOLERANCE», которая вдобавок дополняется слоганом «Верь в это», содержит символы коренных американцев и бахаи, и даже намек на науку (последняя «е» – из формулы Эйнштейна $e=mc^2$).

³ The Templeton Religion Trust (<https://templetonreligiontrust.org/>), штаб-квартира которого находится на Багамских островах, является глобальным благотворительным фондом, учрежденным сэром Джоном Тэмплтоном (2008г.) для поддержки исследований и вовлечения общественности во всем мире в исследование вопросов теологии, философии и науки, а также для содействия процветанию человечества путем финансирования проектов в области индивидуальной свободы, свободных рынков и развития личности, а также путем присуждения Премии Тэмплтона.

обязанностями, так и культуры взаимодействия, характеризующейся отношениями основанными на взаимных уважении и защите.

Это видение плюрализма, безусловно, амбициозно. Парадигма заветного плюрализма описывает некий идеальный результат, состояние, которое обеспечивается эффективными и подкрепляющими друг друга правовыми структурами и социальными нормами. Тем не менее, мы утверждаем, что заветный плюрализм – это не просто теоретическая абстракция или утопическая спекуляция. Это не просто плод воображения политического философа, а исторический и не учитывающий условия реальной жизни и религиозных вероучений. Скорее, предлагаемая нами парадигма заветного плюрализма – это реалистичная социально-политическая программа, имеющая актуальность, привлекательность и прецеденты во многих религиозных/мировоззренческих традициях.

В связи с этим настоящую статью мы начинаем не с формальной теории заветного плюрализма (как бы это ни было важно), а с краткой исторической иллюстрации того, как ценности заветного плюрализма работали на практике. Мы сделаем это, обратившись к примеру Роджера Уильямса (1603-1683), возможно, самого видного нонконформиста, когда-либо изгнанного из пуританского Массачусетса. Уильямс основывал Род-Айленд на принципах строгого (robust) плюрализма, свободы совести и межкультурного уважения. Он отстаивал эти принципы не вопреки своей собственной христианской вере, а благодаря ей — и применял их не только к другим христианам, не только к тем, кто принадлежал к авраамическим религиозным традициям, но и к тем, кто принадлежал к религиозным традициям коренных американцев. Хотя в опыте Род-Айленда 17-го века эти принципы, конечно, не могли воплотиться совершенным образом, тем не менее, он является важным и поучительным примером гражданского порядка (пусть даже в зачаточной форме), который сознательно стремится стать пространством, в котором люди радикально разных мировоззрений и религий могли бы жить вместе конструктивно и сообща, – т.е. и реализуя свои вероучения (правильные поступки), и в соответствии с общей потребностью в стабильности (поступки, продиктованные личными интересами).

После этой вводной иллюстрации мы изложим более подробно концепцию заветного плюрализма, которая лежит в основе инициативы благотворительного фонда Templeton Religion Trust «Заветный Плюрализм». Во-первых, мы обсудим опасности «плюрализма», если бы он был синонимом простой релятивистской терпимости, беззаботного экуменизма или эклектического синкретизма. Во-вторых, мы представим краткий обзор того, как возрождающаяся значимость религии в глобальной общественной жизни после окончания Холодной войны катализировала распространение теорий плюрализма. В-третьих, мы подробно остановимся на том, что именно означает (и не означает) эпитет «заветный», и какие условия являются обязательными для заветного плюрализма. В заключение мы рассмотрим глобальную применимость и адаптивность идей заветного плюрализма.

Самый процветающий гражданский штат: пример Роджера Уильямса и «Завет о мирном соседстве».

В американской мифологии пуритане пересекли Атлантику ради религиозной свободы; однако на самом деле они не хотели жить в режиме религиозной свободы для всех (среда, которую Голландия в значительной степени уже предлагала им). Действительно, Джон Уинтроп был вполне ясно сказал о том, что он ищет: «место совместного обитания и семейной жизни при должном правлении как гражданском, так и церковном» (Gaustad, 1999, 23). Как выразился один Массачусетский церковнослужитель, колония будет «стремиться к теократии, чтобы стать как можно ближе к тому, что было славой Израиля» (цитируется по Barry, 2012, 169). Хотя Массачусетс, вероятно, и не был суровой теократией, он точно не показался мягкой теократией баптистам, которые были объявлены вне закона, квакерам, которых казнили повешением, и «ведьмам», которых казнили при пуританах.

Уильямс во многом расходился с господствующей политической теологией. Он считал, среди прочего, что церковь в Массачусетсе должна быть отделена от англиканской церкви, что церковные и государственные чиновники не должны давать клятву Богу, что король Англии не имеет никакого права распоряжаться землей коренных американцев, и что собранные налоги не должны выдаваться церковным служителям. Прежде всего Уильямс верил в свободу совести и в то, что от этой свободы в конечном счете зависит благополучие как религии, так и государства⁴.

К 1636 году Бостонскому городскому совету надоел нонконформист Уильямс, и они решили изгнать его в Англию. Уильямс бежал, в конце концов поселившись среди своих индейских друзей в верховьях залива Наррагансетт, заплатив им за землю, на которой жил. Он назвал это место Провиденс (Провидение), потому что заключил «завет о мирном соседстве с окружающими нас сахемами и туземцами» и испытал чувство «милосердного Божьего Провидения»⁵. Уильямс надеялся, что новая колония сможет стать «убежищем для людей, страдающих от того, что они не могут поступать по велению своей совести» (цит. по Barry, 2012, 220).

Его модель была не только удивительно обстоятельной для XVII в., но и экспансивной, так как он предполагал, что она выйдет за пределы его собственной колонии. Он писал: «Такова воля и повеление Бога, чтобы (со времени пришествия Его Сына Господа Иисуса) разрешение языческих, еврейских, магометанских (Turkish) или антихристианских учений и богослужения было даровано всем людям всех наций и во всех странах» (цит. по Rowley, 2017, 69). Но в то же время он не был анархистом. Он

---

⁴ Фрагменты этого раздела взяты из Seiple, 2012.

⁵ Стоит отметить, что тема добрососедства возникнет аналогичным образом и столетия спустя в мыслях Хэлфорда Джона Маккиндера, который в начале 1919 года утверждал, что пытался повлиять на Версальский мирный договор: «Это великое старое слово «сосед» почти предано забвению. Именно к добрососедству сегодня громко призывает мир... Давайте же снова вернем себе себя, иначе мы станем простыми рабами мировой географии ... Добрососедство или братский долг по отношению к тем, кто является нашими согражданами, – это единственная надежная основа счастливого гражданства» (Mackinder, 1919).

понимал необходимость стабильности и безопасности, предлагаемых государством, и считал, что в соответствующих условиях свобода и безопасность будут работать рука об руку. Уильямс подытожил это в январском письме от 1655 года в город Провиденс:

Случалось, что паписты, протестанты, евреи и магометане поднимаются на один корабль. Исходя из этого, я утверждаю, что вся свобода совести, о которой я когда-либо просил, основывается на двух вещах – что никого из папистов, протестантов, евреев или магометан не должны принуждать приходить на корабельные молитвы или богослужения, и, во-вторых, никого не следует ограничивать в их собственных молитвах или богослужениях, если они их совершают. Я также добавлю, что никогда не отрицал, что, несмотря на эту свободу, командир корабля должен управлять курсом судна – да!, – а также приказывать сохранять и умножать справедливость, мир и трезвость как среди моряков, так и среди пассажиров (Цит. по Davis , 2008, 278).

Иными словами, лица, облеченные политической властью, не имеют права указывать гражданам, как им верить (что Уильямс осудил как «изнасилование души»), даже в том случае, если имеет место требование к гражданам осуществлять свое право верить и жить в соответствии с этой верой. Он считал, что принудительное поклонение «зловонно для ноздрей Бога» (письмо майору Джону Мейсону от 22 июня 1670 г., цит. по Barry, 2012, 336) и неизбежно ведет к гражданским беспорядкам, тогда как свобода совести ведет к подлинной гражданской солидарности и лояльности. Соответственно, Устав Род-Айленда от 1663 года содержал уверенное заявление, согласно которому колония «проведет эксперимент в жизни, дабы доказать, что наиболее процветающее гражданское государство стоит и сохраняется ... лишь при условии полной свободы в религиозных вопросах» (см. Seiple и Hoover, 2004, vii)⁶.

Важно отметить, что Уильямс не был политическим плюралистом на том лишь основании, что он придерживался своих религиозных убеждений менее уверенно, чем теократы-пуритане. Его религиозные убеждения и политические интуиции коренились в его понимании Библии. Джон Барри, изучавший жизнь Уильямса, отмечает, что «едва ли найдется хоть один абзац хоть в одном из писем [Уильямса] без упоминания Бога. Вера, жажда Бога и знание Священного Писания пронизывают все, что он написал . ... Его жизнь вращалась вокруг поиска Бога; этот поиск определял то, как он думал, как писал, что делал каждый день» (Barry, 2012, 225). Историк Мэтью Роули также отмечает, что в шести томах собрания сочинений и двух томах переписки Уильямса «изредка можно увидеть абзац без цитирования, упоминания или выводов, сделанных из Священного Писания или богословия» (Rowley, 2017, 68).

На самом деле, Уильямс разделял многие теологические доктрины пуритан, но пришел к совершенно иным выводам относительно религиозного плюрализма и

---

⁶ Идеи Уильямса о религиозной терпимости повлияли на Джона Локка, который, в свою очередь, оказал большое влияние на основателей Соединенных Штатов. Подробное сравнение Уильямса, Локка и Гоббса см. Vejan, 2017.

политического порядка (Davis, 2008). По мнению Мирослава Вольфа, и Уильямс, и Джон Уинтроп «были сторонниками религиозного эксклюзивизма. И все же религиозный эксклюзивизм привел Уинтропа к политической эксклюзивности, а Уильямса к политическому плюрализму» (Volf, 2015, 151–152). Три примера могут проиллюстрировать, как образом Уильямс был одновременно и религиозным эксклюзивистом в теологическом плане и плюралистом в социально-политическом.

Первый пример – это позиция Уильямса в отношениях с коренными американцами. С одной стороны, Уильямс твердо верил в истину христианского Евангелия, а также в обязанность и долг евангелизации – активного обращения в свою веру. С другой стороны, его понимание «Великого Поручения» не привело к довольно типичному пренебрежительному отношению к коренным американцам. Уильямс настаивал на том, что «природа не разделяет европейцев и американцев по крови, рождению, телу и т.д.; Бог сотворил все человечество единым по крови» (Gaustad, 1999, 28). Он также отказывался распространять свою веру среди коренных американцев до тех пор, пока не выучил их язык. Согласно Барри, Уильямс «считал, что нельзя стать христианином без полного понимания того, каков смысл христианства, и он воздерживался от любых попыток обратить индейцев в свою веру до тех пор, пока его свободное владение их языком не было достаточным для объяснения послания Христа» (Barry, 2012, 157).

Второй пример – позиция и политика Уильямса по отношению к квакерам. В богословском смысле Уильямс был на стороне остальных пуритан в отношении квакеров, то есть презирал их (Barry, 2012). Он утверждал, что квакеры «проповедуют не Христа Иисуса, а самих себя» и что их учение является мерзостью (Gaustad, 1999, 183). Однако Уильямс никогда не позволял этим серьезным богословским разногласиям вылиться в политическое преследование квакеров. В отличие от Массачусетса, в Род-Айленде квакеров приветствовали. Он также уважительно дебатировал с квакерами. Например, его письменное изложение теологической позиции квакеров последними не оспаривалось (Barry, 2012).

Третий пример – эпизод, демонстрирующий, как приверженность Уильямса свободе совести в некоторых случаях была достаточно крепка, чтобы поколебать даже казалось бы незыблемые патриархальные нормы. Спустя два года после основания Род-Айленда в 1636 году Джошуа и Джейн Верин, соседи Роджера и Мэри Уильямс, перестали посещать церковь, которая находилась в доме Уильямсов. Джейн хотела приходить, но Джошуа запретил ей. Тем не менее, это стало предметом общественной озабоченности, в соответствии с основополагающими принципами Род-Айленда, с которыми все согласились. В конце концов, община пришла к согласию относительно необходимости соблюдения основополагающих принципов; Джейн Верин продолжала посещать церковь – без мужа и его одобрения (Eberle, 2004).

Конечно, о Вильямсе можно было бы рассказать гораздо больше, но вышеприведенных примеров должно быть достаточно, чтобы понять, что идеи Вильямса о свободе совести и «мирном соседстве» были своего рода предзнаменованием

философии, которую мы сегодня называем заветным плюрализмом. Мы могли бы даже пойти дальше и сказать, что видение Уильямса было «исключительным». Однако под «исключительным» мы не подразумеваем какую бы то ни было триумфальность, которая нередко составляет неотъемлемую часть риторики «американской исключительности» (Hoover, 2014). На наш взгляд, версия заветного плюрализма Уильямса от XVII в. была исключительной не потому, что она отражала нечто уникально «американское», а потому, что это была исключительно *ранняя* формулировка парадигмы, которая и сегодня остается актуальной и практически достижимой во всем мире и в различных культурных контекстах.

Уильямс проложил путь, по которому, к сожалению, судя по нынешнему состоянию американской политической культуры и институтов, Соединенные Штаты с трудом продвигаются в стремлении к «более совершенному союзу». Об это говорят, например, два глобальных индекса ограничений религии исследовательского центра Pew, один из которых измеряет государственные ограничения религии, а другой – социальную враждебность, связанную с религией (Pew, 2018). Ни по одному из этих индексов Соединенные Штаты не характеризуются «низкими» показателями. Скорее, показатели Соединенных Штатов, как и ряда других западных либеральных демократий, находятся в середине этой группы. В каждом регионе глобального Юга имеется множество незападных стран, в которых действуют такие же или более низкие уровни религиозных ограничений и социальной враждебности, что и в Соединенных Штатах. Вывод таков: все страны, независимо от географии или ВВП, постоянно сталкиваются с необходимостью выбора пути решения проблем и использования возможностей, связанных с религиозным/мировоззренческим многообразием.

Более того, путь заветного плюрализма не обязательно является «новым» или неизведанным. Напротив, повсюду можно найти соответствующие вехи – в историческом опыте различных культур. В частности, показателен пример из истории Индии – император Великих Моголов Акбар (1542–1605 гг.), который известен своим доброжелательным подходом к религиозному разнообразию. Как писал А.Л. Бэшем,

[Акбар] полностью отдавал себе отчет в том, что империя может существовать только на основе всеобщей толерантности. Все религиозные надзоры и ограничения были отменены, включая ненавистный подушный налог для неверующих. Раджпутские князья и другие индуисты занимали высокие государственные должности, не обращая при этом в ислам ... Если бы политика величайшего из мусульманских правителей Индии была продолжена его преемниками, ее история могла бы быть совсем иной (Basham, 1954, 482).

Прецеденты плюрализма, конечно, можно найти и в новейшей индийской истории, в том числе и в конституции⁷ Индии от 1949 года – но, к сожалению, они часто

---

⁷ Соответствующие источники см. Singha, 2017.

омрачаются теми вызовами, которые ставит перед Индией современность, а именно вызовами, связанными с религиозным насилием и религиозным национализмом.

ПУТЬ ЗАВЕТНОГО ПЛЮРАЛИЗМА НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ЯВЛЯЕТСЯ «НОВЫМ» ИЛИ НЕИЗВЕДАННЫМ

Проще говоря, ответ на призыв к заветному плюрализму может в некоторых контекстах быть скорее делом *переоткрытия*, чем открытия, или возрождения, а не революции. Однако, несмотря на это, путь к заветному плюрализму действительно следует проложить. Для начала заветный плюрализм требует некой толстокожести — то есть такой степени готовности к разногласиям и различиям, который выходит за рамки простой «терпимости».

В нашем быстро глобализирующемся мире постоянно растущего разнообразия «терпимость», безусловно, необходима как общая норма цивилизованности. Кроме того, важные международные документы по правам человека посвящены защите терпимости, такие как Декларация ООН о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений. Тем не менее, толерантность сама по себе недостаточна для достойной жизни в условиях предельного разнообразия. Действительно, минималистские и некритические версии «толерантности» могут фактически противоречить подлинному и устойчивому плюрализму. Здесь возникает три типа проблем.

Во-первых, дарование «терпимости» может попросту восприниматься как проявление привилегированности или даже снисхождения. Никто не хочет, чтобы его просто «терпели», словно его присутствие нежелательно и принимается исподволь в рамках определенного социально-политического строя. Мы «терпим» то, от чего надеемся избавиться, как только появится возможность, например, боль в спине или зубная боль. Вместо этого все люди хотят чувствовать, что их равное положение и присущее им человеческое достоинство уважаются повсеместно. Более того, этот вид эмпатического эгалитаризма жизненно важен для социального процветания, особенно в условиях демократии. Джордж Вашингтон признал это в своем знаменитом письме от 18 августа 1790 года к еврейской общине в Ньюпорте, штат Род-Айленд: «Все обладают одинаковой свободой совести и правами гражданства. Теперь о толерантности больше не говорят, как если бы она была проявлением снисходительности одних, которые другим позволяют пользоваться неотъемлемыми естественными правами».⁸

Во-вторых, банальные призывы к «терпимости» проблематичны тем, что в них может проявляться опасная религиозная неграмотность. Единообразная идеология толерантности порой может свидетельствовать о чрезмерно упрощенных, если не откровенно наивных представлениях относительно самой природы религии и

---

⁸ Полный текст этого письма см. в разделе «Founders Online» на вебсайте Национального архива: <https://founders.archives.gov/documents/Washington/05-06-02-0135>

религиозных различий. Всякое серьезное изучение религиозных традиций и мировоззрений сразу же выявляет наличие глубокого разнообразия. Религии не одинаковы, а некоторые разногласия непримиримы.

Выдающимся ученым, который долгое время доказывал необходимость смотреть на реальность множества вероисповеданий широко открытыми глазами, является Стивен Протеро, автор книги «Бог не один» (Prothero, 2010a). В интервью Religion Dispatches о своей книге Протеро кратко резюмировал проблему терпимости, которая является следствием религиозной неграмотности:

[В магистратуре] я неоднократно слышал от преподавателей, что все религии – это разные пути, ведущие к одной вершине. Это изречение никогда не имело для меня никакого смысла. У меня были друзья – евреи, мусульмане, христиане и атеисты, и никто из нас не питал иллюзий о взаимном согласии ... Главный аргумент [о том, что Бог не один] состоит в том, что религии мира ведут на разные вершины, используя очень разные инструменты и методы. Одна из точек зрения, которую разделяют новые атеисты и либеральные мультикультуралисты, заключается в том, что все религии по существу одинаковы (ложные и губительные для первых, и истинные и прекрасные – для вторых). Я думаю, что эта точка зрения опасна, выдает пренебрежение и не соответствует действительности. Христиане не отправляются в хадж в Мекку, а мусульмане не исповедуют доктрину Троицы. Более того, хадж не является периферийным действием для мусульман – на самом деле это один из пяти столпов ислама. И вера в то, что Иисус есть Сын Божий, не является неважной для христиан – на самом деле она лежит в основе христианского Евангелия... Что в итоге? Терпимость – пустая добродетель в том случае, если вы даже не понимаете, что именно вы должны терпеть (2010b).

Третья и, возможно, наиболее значительная проблема простой терпимости состоит в том, что она слишком легко сочетается с *безразличием*. Сэр Джон Темплтон, основатель фонда Templeton Religion Trust, прекрасно понимал: то, что принято называть «толерантностью», слишком часто может быть довольно неустойчивым состоянием. Он был твердо убежден в том, что прогресс человечества во всех областях, включая религию, в значительной степени зависит от конструктивной конкуренции, то есть от уважительного отношения к различиям, а не от пренебрежительного их игнорирования. Сэр Джон писал, что

Терпимость может быть божественной добродетелью, но она может стать и проводником безразличия. Миллионы людей демонстрируют совершенную терпимость к различным религиям, но редко такие люди входят в историю как создатели, благодетели или лидеры прогресса... Разве мы не должны желать, чтобы наш ближний делился своими открытиями и старался донести до нас яркий свет, преобразивший его жизнь, – огонь в его душе? Зачем довольствоваться религией с наименьшим общим знаменателем, основываясь только на терпимости? Нам нужна не только терпимость, но и конструктивная конкуренция.

Когда люди, пламенея великим Евангелием, соревнуются в любви, чтобы поделиться с ближними лучшими из благ, разве от этого не приобретают все? (Templeton, 2000, 122-123).

Адам Селигман, Рэйчел Вассерфалл и Дэвид Монтгомери в своей книге 2016 года «Жизнь с различиями: как построить сообщество в разделенном мире» утверждают, что современные приверженцы терпимости часто относятся к религиозным различиям так, будто они имеют дело только с эстетическими предпочтениями, а не с *принципиальными* вопросами, предполагающим вовлеченность.

Мы по-прежнему отрицаем различия, а не взаимодействуем с ними, причем в такой степени, что невовлеченность является самой сутью нашей социальной жизни. В определенном смысле, отрицание различий путем их отнесения к эстетическому или чему-то тривиальному, само по себе является формой безразличия к тому, что является другим и отличным. Определяя свое отличие от позиции или действия другого человека на основе вкусов или тривиальности, мы освобождаем себя от участия в них и можем сохранить безразличное к ним отношение ... [Такие подходы] на самом деле вовсе не толерантны, потому что они в реальности способствуют отстранению от различий, а не примирению с ними. Возможно, они являются не более чем просто способом вовсе обойти проблему различий в современном обществе, а не осознать ее (Seligman, Wasserfall, Montgomery, 2016, 8–9).

Говоря вкратце, «толерантности», которая сводится лишь к апатии и грубому релятивизму, недостаточно для решения задач нашего времени.

«Возвращение» религии и необходимость теории плюрализма

Важным исходным условием, которое помогает объяснить непреходящую популярность дешевых наклеек «толерантность» на бампер, является сохраняющееся культурное влияние теории секуляризации, а также ее методологических последствий, особенно в академических кругах. Главная посылка теории секуляризации состояла в том, что модернизация подрывает позиции религии в культурном и эпистемологическом плане, то есть в современных условиях религия либо полностью отброшена, либо радикально приватизирована и отодвинута на задний план психологически, культурно и политически. «Терпимость» к религиозной вере и любого рода религиозным практикам является естественным результатом широко распространенных популярных предположений о неизбежно уменьшающемся значении религии.

Ирония заключается в том, что большинство социологов больше не придерживаются теории секуляризации. Ярким примером тому является покойный Питер Бергер, выдающийся социолог, благодаря ранним работам которого теория секуляризации сделалась почти парадигматической. Однако в 1990-х годах Бергер отказался от теории секуляризации и утверждал, что ей на смену должна прийти теория плюрализации, парадигматическая для понимания современной религии.

В книге «Многие алтари современности: к парадигме религии в эпоху плюрализма» Бергер писал, что упадок религии не является обязательным следствием модернизации. Модернизация приводит к тому, что больше людей, чем когда-либо прежде, должны жить среди какофонически соперничающих верований, ценностей и образа жизни (Berger, 2014). Это положение дел не присуще исключительно «западной» жизни. Глобальный Юг также переживает плюрализацию, особенно в свете растущей урбанизации и миграции. Процесс плюрализации неизбежно заставляет современного человека все чаще сталкиваться с глубокими различиями. Для некоторых это может быть источником беспокойства и раздражения⁹. Плюрализацию можно интерпретировать как подрыв эпистемической и моральной определенности, вынуждающий решать вопросы, которые в противном случае могли бы оставаться на периферии сознания и не осознаваться в качестве требующих решения. Глобализация и технологические изменения ускоряют эту динамику и могут способствовать возникновению чувства духовного и психологического расстройства.

Бергер также исследовал две распространённые, но весьма проблематичные стратегии решения современных проблем: фундаментализм и релятивизм. Фундаменталист, согласно Бергеру, – это тот, кто пытается восстановить моральную/эпистемическую определенность с помощью различных социальных и политических средств. Другую крайность представляет релятивист, тот, кто превращает моральную равноценность, непредвзятость и «терпимость» в идеологию. Определив таким образом полюса – первый как опасный, а второй как бессмысленный, – Бергер выступал за «сохранение и легитимацию золотой середины между фундаментализмом и релятивизмом» (2014, 15). Бергер справедливо (на наш взгляд) предполагает, что эта счастливая золотая середина будет формой плюрализма.

Но любой аргумент в пользу «плюрализма» немедленно сталкивается с существенной терминологической проблемой, а именно: в контексте современной религиозной жизни слово «плюрализм» чаще всего используется в значении, которое является синонимом релятивизма. Как в научном, так и повседневном дискурсе в тех случаях, когда понятие «плюрализм» употребляется без уточняющих эпитетов, его значение обычно синонимично значению понятия «релятивизм». Это то самое ни к чему не обязывающее уравнивание «мы все восходим на одну вершину», которое Стивен Протеро справедливо отвергает как «притворный плюрализм» (2010b).

Тогда вопрос сводится к следующему: Что такое *настоящий* плюрализм? И какое уточнение мы должны ввести, если слово «плюрализм» само по себе в лучшем случае неоднозначно?

---

⁹ Однако важно не допустить простого бинарного противопоставления предмодерновых условий, в которых религия является сама собой разумеющейся «судьбой», и условий модерна, в которых она представляет собой неопределенность и дело «выбора». Как писал Роберт Хефнер, было бы ошибкой «считать всех акторов предмодерна обитателями густонаселенных религиозных миров, в которых естественное и сверхъестественное настолько переплетены, что не остается места для неопределенности или агностических сомнений» (Hefner, 2016, 16). См. также «миф о примитивном благочестии» Мэри Дуглас (Douglas, 1970).

На какое-то мимолетное мгновение сразу после окончания холодной войны возник пьянящий оптимизм по поводу «конца истории» — глобального триумфа либерализма и его конститутивных атрибутов, таких как индивидуализм, рационализм, легализм, процедурализм и т. д. Но боги отказывались умирать, и локальные идентичности (*particularistic identities*) возвращали утраченное, иногда насильственно. Будущее быстро превратилось не в универсализацию либерального порядка, а в культурную и политическую балканизацию. Теоретики, представляющие как «левых», так и «правых», все чаще признавали необходимость такой философии плюрализма, которая в большей степени соответствовала бы эмпирическим фактам реальной жизни и обладала бы большими возможностями для нормативной согласованности и функционального согласия в условиях глубокого глобального разнообразия. В результате последнее десятилетие стало временем невероятно продуктивным для формулировки разнообразных плюралистических теорий. Многоликую плюралистическую мысль сегодня образуют, в частности, следующие концепции:

- уверенный плюрализм (Inazu, 2016; Keller, Inazu, 2020)
- смелый плюрализм (Patel, 2016; Patel, 2018; Geiss, 2020; Patel, 2020)
- прагматический плюрализм (L. Patton, 2018; L. Patton, 2006)
- глубокий / агонистический плюрализм (Connolly, 2005)
- принципиальный / гражданский / структурный плюрализм (Monsma, 1992; Skillen, 1994; Chaplin, 2016; Soper, den Dulk, Monsma a, 2017; Carlson-Thies, 2018)
- инклюзивный плюрализм (Marsden, 2015)
- плюрализм «принципиальной дистанции» (или «индийская модель») (Bhargava, 2012)
- «религиозная гармония» / регулируемый плюрализм (Neo, 2020)
- плюрализм «политического секуляризма» (Taylor, 2010; Maclure, Taylor, 2011)
- плюрализм «различий» (Mahmood, 2016; Shakhman Hurd, 2015)
- плюрализм «живущих вместе по-разному» (Seligman, Wasserfall, Montgomery, 2016)
- плюрализм «столкновения обязательств» (Eck, n.d.; Eck, 2020)
- плюрализм «глобальной общественной площадки» (Guinness, 2013)
- и многие другие.

Совокупность современных форм плюрализма сама по себе плюралистична в нескольких отношениях. Например, некоторые разновидности плюрализма имеют долгие и внушительные философские родословные, в то время как другие – менее респектабельны. Некоторые из них больше озабочены структурными аспектами и аспектами положительного права, свойственными устойчивому плюрализму – конституционными и законодательными «правилами игры» за справедливость во всех религиозных и светских мировоззрениях, тогда как другие имеют дело в большей степени с культурными, реляционными, эмоциональными и духовными аспектами

жизни в ситуации глубоких различий. Некоторые больше фокусируются на применимости в западной либеральной демократии (особенно в Соединенных Штатах), в то время как другие используют абстрактно универсальный подход и не-западные системы взглядов. Некоторые придерживаются широкого взгляда на степень консенсуса — политического и/или теологического — который возможен и желателен в условиях плюрализма, в то время как другие предполагают минималистский, «более тонкий» консенсус. (Сравнение различных направлений современной плюралистической мысли см. Joustra, 2020).

Тем не менее, всем этим версиям плюрализма свойственны общие черты. Все они избегают упрощенного релятивизма, они требуют от отношения к вызовам разнообразия реализма, а не фатализма, и рисуют позитивный плюрализм, который требует не просто сосуществования бок о бок, на расстоянии вытянутой руки, а принципиального взаимодействия между разными религиозными и мировоззренческими группами. Рассмотрим, например, теорию «глубокого плюрализма», разработанную политическим теоретиком Уильямом Коннолли (William E. Connolly). Коннолли утверждает, что определенная степень конфликта и конкуренции является неотъемлемой частью человеческого существования, но все же эти неизбежные противоречия могут иметь мирные, продуктивные последствия на пользу общественной жизни. Согласно Коннолли, реалистичный, но позитивный плюрализм

не следует из простого универсализма, в рамках которого один образ трансцендентного навязывается в качестве образца повсюду, или культурного релятивизма, в рамках которого одна вера преобладает здесь, а другая – там. Это – не универсализм и не релятивизм в простом понимании каждого из них. Это глубокий плюрализм. Плюрализм, который периодически приходится деятельно защищать от поползновений религиозно-государственного унитаризма. Общественный идеал плюрализма, преследуемый нами, опять-таки требует от каждой веры активного культивирования плюралистических добродетелей и подтверждения договоренности о позитивном этосе взаимодействия между ними. (Connolly, 2005, 64-65)

Диана Эк, директор Гарвардского проекта по плюрализму, также подчеркивает важность принципиальной вовлеченности представителей различных вероисповеданий и мировоззрений. В своем призыве к «новой парадигме плюрализма» Эк утверждает, что

плюрализм – это не только разнообразие, но и деятельная вовлеченность в разнообразие. Разнообразие может означать – и означало – создание религиозных гетто с возможностью незначительного перемещения между ними или среди них. Сегодня религиозное разнообразие – это данность, но плюрализм – это не данность; это – достижение. Простое разнообразие без реальных встреч и отношений приведет к росту напряженности в наших обществах... Новая парадигма плюрализма не требует от нас отказа от нашей идентичности и наших обязательств, потому что плюрализм – это столкновение обязательств. Это

означает, что наши самые глубокие различия, даже наши религиозные различия, следует не изолировать друг от друга, но включать во взаимоотношения (Eck, n.d.).

Мы согласны с Эк, но хотели бы добавить, что новый стиль разговора может быть полезен и даже необходим для передачи новых перспектив и нюансов. Сегодня слово «плюрализм» очень часто используется не для обозначения нерелятивистского столкновения обязательств, а скорее для обозначения простого релятивизма, который обычно навязывается наряду с клише мультикультурализма (Sacks, 2007). Таким образом, мы считаем полезным добавить к слову «плюрализм» эпитет, который с самого начала давал бы ясно понять, что предлагаемая идея является гораздо более богатой и интересной, чем поверхностная релятивистская терпимость. Мы предполагаем, что эпитет «заветный» точнее всего отражает этот более тонкий взгляд на плюрализм.

Заветный плюрализм – чем он является ... и не является

По нашему мнению, основное преимущество использования понятия «заветный» состоит в том, что оно отсылает к совершенно понятной, целостной идее, которая придает особое значение не только столь важным *правилам*, но и *взаимоотношениям*. В отличие от плюрализма, который является строго «договорным» (или транзакционным), заветный плюрализм предполагает более глубокое чувство моральной серьезности и важности, и предполагает неопределенный временной горизонт. «Контракт» – это типично условные отношения, регулируемые рациональными правилами, нарушение которых аннулирует эти отношения. Но «заветный» плюрализм существует за пределами конкретных конфликтов и эпизодических отклонений от норм. Он предполагает более гибкую связь между правилами и милосердием. Такой подход к устойчивому плюрализму в особенности находит соответствия за пределами Запада, где многие культуры на практике являются скорее общинными, чем договорными (Sacks, 2002; Sacks, 2007).

Концепция заветного плюрализма касается одновременно политико-правовых критериев «сверху вниз» и культурных норм и практик «снизу вверх». Мир заветного плюрализма характеризуется как конституционным порядком равных прав и обязанностей, так и культурой взаимной приверженности вовлечению, уважению и защите другого – пусть и без обязательного признания равной истинности или моральной эквивалентности верований и поведения других. Предполагаемое конечное состояние – это не пресный экуменизм и не расплывчатый синкретизм, а скорее позитивный, практический, нерелятивистский плюрализм. Это парадигма гражданской справедливости и человеческой солидарности, договор о глобальном добрососедстве, который предназначен быть гибким и не ломаться под давлением разнообразия.

Мы используем здесь понятие «заветный» в его светском смысле, доступном для людей любой религии и не принадлежащим ни к одной религии. Конечно, различные религиозные традиции – в частности, относящиеся к авраамическим, а именно иудаизм, христианство и ислам – используют понятие «заветный» в специально богословском смысле в соответствующих внутрирелигиозных контекстах. Однако в контексте плюрализма понятие «заветный» употребляется в ином значении, которое явно отражает многообразие форм веры/мировоззрений во всем мире¹⁰. Наше использование понятия «заветный» аналогично его употреблению в некоторых международных соглашениях по правам человека, таких как Международный пакт о гражданских и политических правах¹¹, или даже в документах, принимаемых объединениями домовладельцев, которые согласны с тем, что каждый человек по соседству с ними должен руководствоваться общими правилами.

Джонатан Сакс, автор вышедшей в 2002 году книги «Достоинство различий» и бывший главный раввин Соединенного Королевства, долгое время размышлял о значении термина «заветный», его духовном происхождении и его светском применении от имени всех религий и ни одной из них:

Заветы касаются более крупных групп, в которых и через которые мы приобретаем идентичность. Они о «мы», в котором я обнаруживаю «я». Заветные отношения – те, что поддерживаются доверием. ... Завет – это узы не интереса или выгоды, а принадлежности... [Завет] там, где мы развиваем грамматику и синтаксис взаимности (*reciprocity*), где мы помогаем другим, и они помогают нам, не рассчитывая на преимущества – там, где рождается доверие (Sacks, 2002, 150–151).

Далее он поясняет:

[Завет] напоминает нам, что мы опекаем прошлое ради будущего. Он расширяет наш горизонт [памяти] до цепочки поколений, частью которой мы являемся... Заветы – это начинания, поступки, связанные с моральными обязательствами. Они сформулированы в общих понятиях, точное значение которых является предметом постоянных дискуссий, но которые выступают в качестве пробных камней, идей, ориентиров, по которым судят о политике и практике. (Sacks, 2002, 203)

Вкратце, заветный плюрализм это плюрализм целостный (одновременно «сверху вниз» и «снизу вверх»), долгосрочный, характеризующийся взаимной поддержкой людей и, как следствие, устойчивостью.

Кроме того, мы утверждаем, что заветный плюрализм является в наибольшей степени плюралистическим — то есть включающим в себя все существующее разнообразие – и, следовательно, с большей вероятностью будет понят и принят как

---

¹⁰ Несмотря на то, что некоторые идеи партикуляристской теологии завета в целом *подобны* предлагаемому нами, философия заветного плюрализма является светской.

¹¹ International Covenant on Civil and Political Rights (прим пер.)

нормативно легитимный в локальных сообществах. За условным столом заветного плюрализма есть место для по-настоящему разных субъектов, способных взаимодействовать друг с другом. Приглашенные к этому столу – не просто нерепрезентативная выборка, состоящая только из самопровозглашенных космополитов. Вместо этого имеет место более реалистичный диапазон – от светского до религиозного, от фундаменталистского до модернистского, от западного до восточного и так далее. Это плюрализм, требующий скромной открытости по отношению к людям, которые заявляют об исключительной истинности своих взглядов, к членам сообществ, предполагающих локальную идентичность и непреодолимые границы, чьи убеждения и практики не так «гибки», как предпочтения на потребительском рынке (J. Patton, 2018). Заветный плюрализм включает в себя исключительное.

Конечно, существуют определенные пределы; некоторые религиозные (и идеологические) субъекты могут быть настолько нетерпимыми и столь враждебными плюрализму, что с ними просто не о чем говорить. Тем не менее, вполне возможно – зачастую так и происходит, – что некоторые религиозные общины сохраняют внутренние убеждения и практики, которые являются «ортодоксальными», и все же являются плюралистическими в гражданской и политической жизни (Volf, 2011; Yang, 2014; Volf, 2015). Ключевым моментом является то, насколько эти общины восприимчивы к духу заветного плюрализма и его условиям, которые включают в себя, например, уважение права людей на выход из общины, не опасаясь насилия, и уважение равных прав других общин с иной внутренней практикой (Hoover, 2016).

Плюрализм такого заветного толка не является ни легким, ни естественным для большинства людей. Это не путь наименьшего сопротивления. Однако движение по этому пути открывает реальные перспективы преодоления различий таким образом, чтобы способствовать как духовному развитию, так и социальному процветанию. Философия заветного плюрализма перекликается с центральным постулатом теории социальных изменений сэра Джона Темплтона, который считал, что «прогресс является результатом конструктивной конкуренции» (Templeton, 1998, 122) – то есть конкуренции, осуществляемой *в определенном духе* (на основе любви и дружбы) и в *достойных условиях* (свободы и справедливости). Сэр Джон считал, что во избежание застоя и для ускорения прогресса в религиозной и общественной жизни необходимо конструктивное соперничество и взаимодействие на уровне принципов, которые разделяют разные стороны. К его преимуществам относятся более обстоятельное и глубокое понимание духовных реалий, прирост социальных благ и социальный капитал, связанный с религиозной верой и практикой в их лучших проявлениях, а также более высокая жизнеспособность и динамизм религиозного самовыражения.

Создание Заветного плюрализма

Мы считаем целесообразным выделить ключевые составляющие заветного плюрализма с точки зрения «условий их возможности», т.е. условий, каждое из которых

необходимо, а все вместе они достаточны для формирования здорового и устойчивого плюрализма¹². Эти условия можно разделить на несколько основных категорий.

Первой из них является *свобода религии и убеждений*, которая включает в себя два аспекта: а) свободное исповедание религии/свобода совести и б) равенство религий/мировоззрений. Наше определение свободы религии и убеждений в контексте заветного плюрализма сформулировано в статье 18 Всеобщей декларации прав человека Организации Объединенных Наций (ВДПЧ).

Статья 18. Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов¹³.

Фактически, историю разработки и обсуждения этого текста редакционным комитетом, состоящим из представителей самых разных организаций, можно рассматривать в качестве примера заветного плюрализма (Glendon, 2001; Brink, 2003). Обсуждения в комитете потребовали значительных усилий, направленных на то, чтобы сделать текст приемлемым для самых разных политических систем и культур. Один из самых влиятельных создателей Всеобщей декларации прав человека, китайский представитель П.С. Чанг (P.C. Chang) защищал данные принципы от обвинений в том, что они каким-то образом являются исключительно «западными» (Glendon, 2001, 142).

Фундаментальная предпосылка заветного плюрализма состоит в том, что стремление к духовной жизни и желание искать ответы на вопросы о трансцендентном универсальны. Поэтому любые системные репрессии или дискриминация, препятствующие этому стремлению, идут вразрез с природой человека и, скорее всего, будут способствовать социальной и политической нестабильности (Seiple и Hoover, 2013). Устойчивая среда заветного плюрализма требует надежной защиты свободы исследовать природу предельной реальности, подвергать сомнению свои собственные убеждения о трансцендентной/духовной реальностях, организовывать (или реорганизовывать) свою жизнь в соответствии со своими открытиями, объединяться (или разъединяться) с другими, в коллективном стремлении к истине о трансцендентной и предельной реальности и выражать свои убеждения в публичной сфере – хотя и в соответствии с требованиями общественного порядка и равных прав.

Однако одно только право свободы не исчерпывает базовых условий, необходимых для заветного плюрализма в полном смысле. Создание системы правовой защиты свободы религии имеет жизненно важное значение, но это не то же самое, что

---

¹² Понятие «условия возможности» заимствовано нами из философии Иммануила Канта, который изменил ход всей западной философии, сконцентрировавшись не на том, возможно ли вообще что-либо знать, а на условиях возможности человеческого знания.

¹³ Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года (https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml, дата обращения: 04.07.2021).

достижение заветного плюрализма. Заветный плюрализм предполагает не только «правила», которые должны регулировать свободу религии, но и нормы взаимоотношений, в рамках которых правила имеют (или не имеют) какую-либо фактическую ценность. Другими словами, при отсутствии каких-либо «заветных» отношений и/или обязательств, которые преодолевают религиозно-мировоззренческие различия, разумные правила свободы религии вряд ли будут определять правила игры. Даже если некоторые предлагаемые правила являются логически «верными», но большинство не разделяет ни заветной солидарности, ни товарищеских чувств, люди склонны просто отмахиваться от таких правил.

Вторая категория условий – *религиозная грамотность*. Как отмечалось выше, религиозная неграмотность является общим местом и ослабляет общественную востребованность плюрализма. Под религиозной грамотностью мы понимаем нечто большее, чем просто общие знания, достаточные для прохождения теста по «мировым религиям». Мы имеем в виду религиозную грамотность, которая включает в себя понимание различия реальных культурных контекстов, а также навыки вовлечения в такие контексты. Здесь уместна аналогия с владением абстрактной математикой и математической грамотностью; последняя требует навыков решения задач в реальном мире.

Религиозная грамотность в этом прикладном смысле имеет, по крайней мере, три аспекта. Чтобы быть религиозно грамотным, человек должен обладать действительным пониманием (а) собственной системы верований или религиозной традиции, особенно того, что она говорит о людях (и взаимодействии с ними) вне этой традиции, (б) нравственных, эпистемологических и духовных принципов, по которым живут ближние, и того, что в них говорится о взаимодействии с другими, и (в) исторических и современных особенностей конкретных обстоятельств, в которых может (или не может) быть целесообразным межконфессиональное взаимодействие – то есть духовные, этнические и/или организационные аспекты культуры, отражающие способность к совместной разработке и реализации общего проекта или программы.

Наконец, третий набор необходимых условий, тесно связанный со вторым, – это воплощение и выражение добродетелей, которых требует позитивный этос нерелятивистского плюрализма. Заветный плюрализм – это тяжелая работа, не предполагающая выход на пенсию. Он не сулит ни утопии, ни конца истории. Глобальная работа по созданию возможностей жить вместе, несмотря на наши различия, это продолжающийся процесс, и долг каждого поколения – завещать эти принципы следующему поколению и учить добродетелям, которые делают это возможным. Заветный плюрализм требует практики и постоянного развития черт характера, необходимых для прочного и устойчивого взаимодействия между людьми различных религий/мировоззрений, – прежде всего, таких качеств, как смирение, сочувствие, терпение и смелость, в сочетании со справедливостью, взаимностью, сотрудничеством, самокритикой и самокоррекцией.

Чем глубже принципиальные разногласия, тем более важными становятся такие добродетели. Политика плюрализма не всегда соответствует простому сценарию со счастливым концом и достижением «взаимопонимания» (Brink, 2012). Реальный мир взаимодействия в системе глубоких разногласий и опаснее, и хаотичнее. Иногда выявляются и укрепляются общие позиции, но случается и так, что закрепляются разногласия, да еще и обрастают большим количеством деталей. Чтобы жить мирно и дружелюбно в этих далеко не идеальных реалиях – чтобы «согласиться с тем, что мы согласны не соглашаться» – требуется зрелость характера. Такие диалогические добродетели имеют решающее значение для того, что сэр Джон Темплтон называл «богословским смирением». Сэр Джон утверждал, что прогресс в религиозном контексте во многом зависит от уважительного отношения к тем, с кем мы не согласны (Herrmann, 2004).

Ключом к этому необходимому настрою является взаимное уважение. Как утверждает Ленн Гудман в работе «Религиозный плюрализм и ценности в общественной сфере», «религиозная терпимость не означает гомогенизацию. Плюрализм сохраняет различия. Чего он требует, так это уважения» (Lenn Goodman, 2014, 1). Уважение означает, что мы ценим сущность личности другого, не жертвуя собственной сущностью. Другими словами, «уважение» другого не обязательно морально уравнивает все убеждения. Действительно, притворное согласие в тех случаях, когда глубокие проблемы действительно являются предметом разногласий, может быть одной из форм неуважения. Уважение просто означает, что каждый человек должен уважать врожденное достоинство каждого человека, включая врожденную свободу совести другого, даже если проявления этой свободы противоречат нашим представлениям о ней. Плюрализм – это, в конце концов, неизбежный результат свободы совести.

Таким образом, в обществе, которому свойствен заветный плюрализм, виды мостов, возведенные между религиями, лучше описать как «*многоконфессиональные*», чем «*межконфессиональные*». Понятие «многоконфессиональность» в большей степени отражает существование непримиримых богословских различий между верованиями и мировоззрениями. Эти различия не обязательно должны выдвигаться на первый план в каждом диалоге или проекте, но в некоторых контекстах признание этих различий и вовлеченность в них на уровне принципа важно, хотя бы для того чтобы продемонстрировать уважение к личности другого человека. И, как показывает наш опыт, как только этого удастся достичь, практическое сотрудничество ускоряется.

УВАЖЕНИЕ ОЗНАЧАЕТ, ЧТО МЫ ЦЕНИМ СУЩНОСТЬ ЛИЧНОСТИ ДРУГОГО, НЕ
ЖЕРТВУЯ СОБСТВЕННОЙ СУЩНОСТЬЮ

Слово «межконфессиональный», напротив, имеет тенденцию предполагать смешение теологий. Межконфессиональные диалоги слишком легко игнорируют или (что еще хуже) эффективно выхолащивают принципиальные разногласия. Хотя межконфессиональные диалоги могут помочь в поиске общих ценностей, слишком часто они заканчиваются тем, что сосредотачиваются на банальных общих чертах, а не на различиях между богатыми и едва ли имеющими что-то общее традициями людей, собравшихся вместе. Обнаружение общих убеждений и ценностей имеет смысл только тогда, когда также понимается богатство различных моральных отправных точек.

Выводы

В истории социальной теории нет недостатка в пессимизме относительно влияния религиозного разнообразия и противоречий на общество. Отсутствие морального / эпистемологического единообразия часто рассматривается как источник политической нестабильности и социальной патологии. Философия заветного плюрализма предполагает более детализированный взгляд, который условно оптимистичен в отношении возможности жить, и жить *хорошо*, с учетом наших различий.

В отличие от зачастую ограниченной риторики толерантности, концепция заветного плюрализма отдает должное сложным проблемам, связанным с глубоким разнообразием, и предлагает целостную концепцию структур и норм, которые способствуют достижению справедливости и процветания каждым, даже при наличии непреодолимых различий в теологии, ценностях и образе жизни.

Заветный плюрализм

- воспитывает (и опирается на) всеобщие добродетели, присущие каждой традиции (например, смирение, сочувствие, терпение), поощряя рефлексию богословских / мировоззренческих различий и того, что в священных писаниях и этике говорится о взаимодействии с другим;
- стремится к созданию равных условий, при которых ко всем людям – как к людям любой религии, так и к людям, не исповедующим никакой религии, – следует относиться с равным уважением;
- использует наши различия, руководствуясь идеей о том, что наилучшие решения проблем, с которыми мы сталкиваемся, наиболее эффективно принимаются в условиях противопоставления и конкуренции идей, всегда в интересах общего блага;
- предполагает равные возможности для каждого выразить свои убеждения и действия, не навязывая их другим;
- поддерживает инклюзивную идею гражданства (включая тех, кто утверждает исключительную истину собственной традиции), что полезно для общества и государства; и

– ведёт к интеграции «не-большинства», а не к его ассимиляции, никогда не настаивая на том, что меньшинства должны думать и действовать точно так же, как большинство.

К сожалению, сегодня во многих странах (nations) – иногда даже там, где на словах декларируется религиозная свобода и разнообразие – заветный плюрализм остается не (в полной мере) избранным путем. Однако указателей на этом пути предостаточно; прецеденты и возможности для развития заветного плюрализма существуют во всем мире. Кроме того, мы утверждаем, что *пере*-открытие заветного плюрализма является не только правильным поступком с точки зрения универсальных моральных идеалов, но также и реалистичной стратегией движения к разумному эгоизму (enlightened self-interest). То, в какой мере страна будет следовать (иногда переоткрывая его) по исторически более узкому и, как правило, менее проторенному пути заветного плюрализма, будет определять долгосрочное процветание как в области религиозной жизни, так и государства. Но если народ или государство выбирают исторически более широкий и гораздо более торный путь «пуританского» (фундаменталистского или секуляристского) единообразия, тем меньше надежды на благополучие и граждан, и соседей. Реализация идей заветного плюрализма повышает вероятность того, что люди с совершенно разными религиозными и эпистемологическими взглядами, тем не менее, будут активно взаимодействовать друг с другом, преодолевая свои разногласия, и вносить свой вклад в мирное соседство для всех.

Благодарность

Эта статья является частью большего проекта, спонсируемого Инициативой Заветного Плюрализма, действующей в рамках благотворительного фонда Templeton Religion Trust.

Об авторах

В. Кристофер Стюарт (W. Christopher Stewart, доктор философии, Университет Notre Dame) – вице-президент по грантовым программам и главный сотрудник по грантам фонда Templeton Religion Trust, штаб-квартира которого находится на Багамах. Он начал работать в фонде в 2013 году, прежде проработав 20 лет на факультете Хоутонского Колледжа (Houghton College), где он был профессором философии и заместителем декана библейских исследований, теологии и философии.

Крис Сайпл (доктор философии, The Fletcher School of Law and Diplomacy) – почетный президент Института Глобального Взаимодействия и главный советник Инициативы Заветного Плюрализма фонда Templeton Religious Trust. Бывший Офицер морской пехоты США; старший научный сотрудник в области сравнительного религиоведения в Школе международных исследований Джексона (Вашингтонский университет) и старший советник Центра инициатив веры и возможностей Агентства международного развития США.

Деннис Р. Гувер (доктор политической философии, Oxford University) – редактор журнала «Вопросы веры и международные отношения», научный консультант Инициативы Заветного Плюрализма фонда Templeton Religion Trust и старший научный сотрудник Института Глобального Взаимодействия. Он является редактором книги «Религия и американская исключительность» (2014 г.), а также соредактором книги «Религия и международные отношения» (2012 г.) и двух справочников Routledge – «Справочника по религии и безопасности» (2012 г.), а также готовящегося к выпуску справочника по религиозной грамотности, плюрализму и вовлечению.

Литература

- Barry, John. 2012. *Roger Williams and The Creation of the American Soul*. New York: Viking.
- Basham, Arthur Llewellyn. 1954. *The Wonder that was India*. London: Sidgwick & Jackson.
- Bejan, Teresa M. 2017. *Mere Civility: Disagreement and the Limits of Toleration*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Berger, Peter L. 2014. *The Many Altars of Modernity: Toward a Paradigm for Religion in a Pluralist Age*. Boston, MA: De Gruyter.
- Bhargava, Rajeev. 2012. "How Should States Deal with Deep Religious Diversity?" In *Rethinking Religion and World Affairs*, edited by Timothy Samuel Shah, Alfred Stepan, and Monica Duffy Toft, 73–84. Oxford: Oxford University Press.
- Brink, Paul A. 2003. "Debating International Human Rights: The 'Middle Ground' for Religious Participants." *The Review of Faith and International Affairs* 1 (2): 13–20.
- Brink, Paul A. 2012. "Politics Without Scripts." *Comment Magazine*, November 1. <https://www.cardus.ca/comment/article/politics-without-scripts/>.
- Carlson-Thies, Stanley. 2018. "The Dissatisfactions—and Blessings!—of Civic Pluralism." *Public Justice Review* 8: 4. https://cpjustice.org/index.php/public/page/content/pjr_vol8issue4_no1_carlsonthies_dissatisfactions_b
- Chaplin, Jonathan. 2016. "Liberté, Laïcité, Pluralité: Towards a Theology of Principled Pluralism." *International Journal of Public Theology* 10: 354–380.
- Connolly, William E. 2005. *Pluralism*. Durham, NC: Duke University Press.
- Davis, James Calvin, ed. 2008. *On Religious Liberty: Selections from the Works of Roger Williams*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Douglas, Mary. 1970. *Natural Symbols: Explorations in Cosmology*. New York: Pantheon.

- Eberle, Edward J. 2004. "Another of Roger Williams's Gifts: Women's Right to Liberty of Conscience: Joshua Verin v. Providence Plantations." *Roger Williams University Law Review*. Spring: 399–407.
- Eck, Diana. 2020. "From Diversity to Pluralism," The Pluralism Project. <https://pluralism.org/from-diversity-to-pluralism>.
- Eck, Diana. n.d. "What is Pluralism?" Pluralism Project website, Harvard University. Accessed April 20, 2020. <https://pluralism.org/about>.
- Gaustad, Edwin S. 1999. *Liberty of Conscience: Roger Williams in America*. King of Prussia, PA: Judson Press.
- Geiss, Mary Ellen. 2020. "These Colleges Want to Make their Campuses Laboratories for Bridging Divides." The Aspen Institute, February 7. <https://www.aspeninstitute.org/blog-posts/these-colleges-want-to-make-their-campuses-laboratories-for-bridging-divides/>.
- Glendon, Mary Ann. 2001. *A World Made New: Eleanor Roosevelt and the Universal Declaration of Human Rights*. New York: Random House.
- Goodman, Len. 2014. *Religious Pluralism and Values in the Public Sphere*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Guinness, Os. 2013. *The Global Public Square: Religious Freedom and the Making of a World Safe for Diversity*. Downers Grove, IL: Intervarsity Press.
- Hefner, Robert W. 2016. "Going Global: An Anthropology of the Two Pluralisms." *Society* 53 (1): 13–19.
- Herrmann, Robert. 2004. *Sir John Templeton: Supporting Scientific Research for Spiritual Discoveries*. Revised Edition. Radnor, PA: Templeton Foundation Press.
- Hoover, Dennis R., ed. 2014. *Religion and American Exceptionalism*. Oxford: Routledge.
- Hoover, Dennis R. 2016. "Pluralist Responses to Pluralist Realities in the United States." *Society* 53 (1): 20–27.
- Hurd, Elizabeth Shakman. 2015. *Beyond Religious Freedom: The New Global Politics of Religion*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Inazu, John. 2016. *Confident Pluralism*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Joustra, Robert. 2020. "The Coordinates of Covenantal Pluralism: Mapping Pluralist Theory in the 21st Century." *The Review of Faith & International Affairs* 18 (4): 18–34.
- Keller, Timothy and John Inazu. 2020. *Uncommon Ground: Living Faithfully in a World of Difference*. Nashville: Thomas Nelson.
- Mackinder, Halford John. 1996 [1919]. *Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction*. Washington, DC: National Defense University Press. Defense Classic Edition.

- Maclure, Jocelyn and Charles Taylor. 2011. *Secularism and Freedom of Conscience*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Mahmood, Saba. 2016. *Religious Difference in a Secular Age: A Minority Report*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Marsden, George. 2015. "A More Inclusive Pluralism: A Constructive Proposal for Religion in a Pluralistic Society." *First Things*. February. <https://www.firstthings.com/article/2015/02/a-more-inclusive-pluralism>.
- Monsma, Stephen. 1992. *Positive Neutrality*. New York: Praeger.
- Neo, Jaclyn. 2020. "Regulating Pluralism: Laws on Religious Harmony and Possibilities for Robust Pluralism in Singapore." *The Review of Faith & International Affairs* 18 (3): 1–15.
- Patel, Eboo. 2016. *Interfaith Leadership: A Primer*. Boston, MA: Beacon Press.
- Patel, Eboo. 2018. *Out of Many Faiths: Religious Diversity and the American Promise*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Patel, Eboo. 2020. "The Campus and the Culture Wars." *Inside Higher Ed*. February 13. <https://www.insidehighered.com/blogs/conversations-diversity/campus-and-culture-wars>.
- Patton, James. 2018. "Including the Exclusivists in Interfaith." *The Review of Faith & International Affairs* 16 (3): 23–33.
- Patton, Laurie L. 2006. "Toward a Pragmatic Pluralism." *Emory Magazine*. Autumn. https://www.emory.edu/EMORY_MAGAZINE/autumn2006/essay_pluralism.htm.
- Patton, Laurie L. 2018. "Plural America Needs Myths: An Essay in Foundational Narratives in Response to Eboo Patel." In *Out of Many Faiths: Religious Diversity and the American Promise*, edited by Eboo Patel, 151–179. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Pew Research Center. 2018. "Global Uptick in Restrictions on Religion." Pew Research Center. <https://www.pewforum.org/2018/06/21/global-uptick-in-government-restrictions-on-religion-in-2016/>.
- Prothero, Stephen. 2010a. *God is Not One: The Eight Rival Religions the Run the World—and Why Their Differences Matter*. San Francisco, CA: HarperOne.
- Prothero, Stephen. 2010b. "Religious Differences are Real (and Tolerance can be an Empty Virtue)." *Religion Dispatches*, June 24. <https://religiondispatches.org/religious-differences-are-real-and-tolerance-can-be-an-empty-virtue/>.
- Repucci, Sarah. 2020. *Freedom in the World 2020: A Leaderless Struggle for Democracy*. Washington, DC: Freedom House. <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2020/leaderless-struggle-democracy>.

- Rowley, Matthew. 2017. "All Pretend an Holy War': Radical Beliefs and the Rejection of Persecution in the Mind of Roger Williams." *The Review of Faith & International Affairs* 15 (2): 66–76.
- Sacks, Jonathan. 2002. *The Dignity of Difference*. London: Continuum.
- Sacks, Jonathan. 2007. *The Home We Build Together: Recreating Society*. London: Continuum.
- Seiple, Chris. 2012. "The Essence of Exceptionalism: Roger Williams and the Birth of Religious Freedom in America." *The Review of Faith & International Affairs* 10 (2): 13–19.
- Seiple, Chris. 2018a. "Faith Can Overcome Religious Nationalism: Here's How." *World Economic Forum*, April 18. <https://www.weforum.org/agenda/2018/04/faith-can-overcome-religious-nationalism-heres-how/>.
- Seiple, Chris. 2018b. "The Call of Covenantal Pluralism." *Templeton Lecture on Religion and World Affairs*. Foreign Policy Research Institute, November 13. <https://www.fpri.org/article/2018/11/the-call-of-covenantal-pluralism-defeating-religious-nationalism-with-faithful-patriotism/>.
- Seiple, Robert A. and Dennis R. Hoover. 2004. *Religion & Security: The New Nexus in International Relations*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.
- Seiple, Chris and Dennis R. Hoover. 2013. "Religious Freedom and Global Security." In *The Future of Religious Liberty*, edited by Allen D. Hertzke, 315–330. Oxford: Oxford University Press.
- Seligman, Adam, Rachel Wasserfall, and David W. Montgomery. 2016. *Living with Difference: How to Build Community in a Divided World*. Oakland: University of California Press.
- Singha, Sara. 2017. *Hinduism and Religious Freedom: A Sourcebook of Scriptural, Theological, and Legal Texts*. Washington, DC: Berkley Center for Religion, Peace, and World Affairs, Georgetown University.
- Skillen, James W. 1994. *Recharging the American Experiment: Principled Pluralism for Genuine Civic Community*. Grand Rapids, MI: Baker Books.
- Soper, Chris, Kevin den Dulk, and Stephen Monsma. 2017. *The Challenge of Pluralism: Church and State in Six Democracies*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield.
- Stewart, W. Christopher. 2018. "Ministerial Philanthropy Panel Remarks at US State Department," July 24, https://assets.aspeninstitute.org/content/uploads/2018/10/Ministerial-Panel-Remarks-23JULY2018-Chris-Stewart-1.pdf?_ga=2.146392060.956419236.1585346935-1222409484.1584028242.
- Taylor, Charles. 2010. "Solidarity in a Pluralist Age." *IWMpost*, April-August. Newsletter of the Institut für die Wissenschaften vom Menschen. No. 104.
- Templeton, John. 1998. *The Humble Approach*. West Conshohocken, PA: Templeton Press.

Templeton, John. 2000. *Possibilities for Over One Hundredfold More Spiritual Information: The Humble Approach in Theology and Science*. West Conshohocken, PA: Templeton Press.

Volf, Miroslav. 2011. "Pluralism as a Political Project for Exclusivist Christians and Muslims." *The Review of Faith & International Affairs* 9 (3): 51–62.

Volf, Miroslav. 2015. *Flourishing: Why We Need Religion in a Globalized World*. New Haven, CT: Yale University Press.

Yang, Fenggang. 2014. "Agency-Driven Secularization and Chinese Experiments in Multiple Modernities." In *The Many Altars of Modernity: Toward a Paradigm for Religion in a Pluralist Age*, edited by Peter L. Berger, 123–140. Boston, MA: De Gruyter.